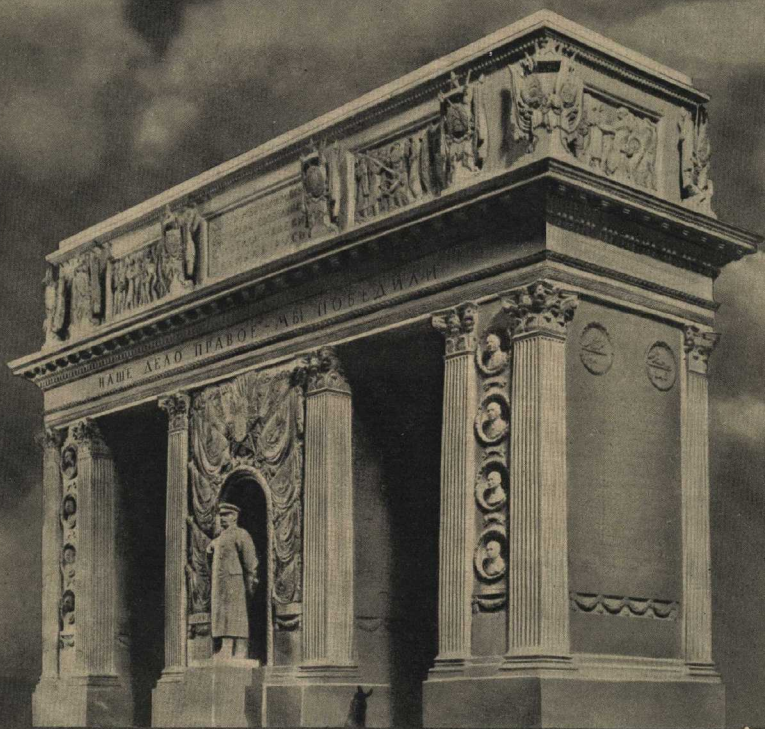

СМЕНА

7-8
1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель, № 7—8, 1946 год

Год
издания
23-й

**СНИМКИ
ВОЕННОЙ
ПОРЫ**

Вперёд и только вперёд!.. Ещё один удар — и немцы будут отброшены в море. Бой идёт в одном из портов Прибалтики (верхний снимок), скоро над ним взойдёт победное знамя...
На реке трудятся герои-сапёры (нижний снимок). В жестокую стужу им жарко. Они спешат построить мост, по которому доблестные советские воины пойдут громить ненавистного врага.

Фото А. Шайхета и С. Альперина

417 Дней войны Сергей Шершавин

Рассказы военных корреспондентов

Победа Сергея Шершавина

Крупным каллиграфическим почерком полковой писарь заполнял наградной лист на имя сержанта Сергея Шершавина, погибшего при исполнении боевого задания.

Случилось это так: зариwатель оказался негодным, и сержант собственной рукой подорвал толловые плашки. Товарищи подошли, как всегда, на воздух немецкий мост, асфальтовые гетла, искалеченные пулеметы. Они привели в часть извеште о героической гибели Шершавина...

А между тем Шершавин остался жив. Случилось невероятное: взрывчатка, упрятанная вражеский мост, в десант вешали и пулеметы, попавшая того, кто провела взрыв. Взрывной волной Шершавина был выброшен на берег и вскоре пришел в сознание.

Он услышал пощелк соловья, полая, что ещё жива и что ночь на исходе. Опустив руки в воду, определял течение. Обламывается, его выбросило на левый, немецкий, берег. От своего его отделила река и поросшая кустарником волосо правого берега, семи километров шириной, где располагались немецкие позиции правобережного дивизарма. «Надо выбраться!» — сказала себе полусонливый, ослепленный человек и стал стягивать одежy.

Он переплыл реку и осторожно поплыл среди кустарников. Затем он прислушался. Соловей свел, в воздухе нежно серебрился гудок голышика. Было утро.

Развинув вшудше лодушку веко друга пшавина, Шершавин

отсканк на небе светачую точку солнца. Теперь он знал сторону света и мог более уверенно продолжать путь.

Когда солнце стояло в зените—ему привлекло темя,—он нашёл новый ориентир: перестреку. Он различал работу напаш и вражеских пулеметов, немецкие пули разрывались с двойным звуком: «шум-поп».

Он поаз до наступления темноты и после короткого сна—он спал положив голову в направлении своего пути—снова поплыл.

Раз он услышал голоса, хотел позвать на помощь, но мыслит, что это могут быть немцы, дождался ему руги. Он предположил бы умереть, чем попать им на руки.

На второй день своего пути, под вечер, он провалился в какой-то окопчик. Наш или немецкий? Он стал исследовать его руками. В углу лежал штабик гранат, ручки были длиннее—немские. Случилось самое странное—он попыт в расположенье немцев. Но и тут Шершавин не пал духом. Он выбрался из окопчика и поплыл между блиндажами.

Он слышал немецкую речь, смех, шутки солдат. Слепой, беспомощный человек продолжал свой страшный путь под самым носом врага, а тот ничего не знал, не ведал.

Что-то колынуло его в лоб. Проломивше, заградился. Он протиснулся под проволочкой своей снаго. Движения его стали осторожными, интуитивными. Он шарил руками вперед себя и вскоре обнаружил, что

чего искал. Мину заминного действия Шершавин знал, что немцы устанавливают вперед колючей проволокой минные поля. Искусный слепой выскочил колыхши ноги, нащупал проволоку, продолжил её путь до входа в землю, разминировал и поаз дальше. Целую ночь потрогил он на то, чтобы одолеть заминированное поле.

Его мучил голод и жажда, он жевал горохыwате, смоченные росой листья.

К концу третьего дня пути он выбрал на маленький окопчик. Исследовав его руками, обрешив особую чуткость, обнаружил, что он сам отрыл этот окопчик для огня! Он был неподдаёбу от наших блиндажей. Тут, рядом, должен быть телефонный кабель. Он нашупал кабель, и через четверть часа бойцы и командиры с радостью и безграничным удальиением объявили своему мимнопопаче-то другу.

Оказалось, что Шершавин был помертво представлен к званию Героя Советского Союза. Услышав об этом, Шершавин сказал с улыбкой:

— Я помяреть не согласен! Я очень люблю и люблю жить и буду вить.

Он сдержал слово. Его волевая натура вышла победителем и из этой схватки. Здоровье и зрение вернулись к человеку, пролежавшему коротый, но самый тяжелый путь на земле.

Юрий НАГБИЧИН,
корреспондент газеты «Труда»

Первый поезд в Ленинград

В конце февраля 1943 года у нас, на Волховском фронте, стало известно, что в такой-то день в Ленинград приедет первый московский поезд—первый после прорыва блокады.

Этот поезд должен был идти от Москвы до Ленинграда более двух суток кружным путём и уже перед самым городом «прорывагнать»

через «коридор смерти»—городовину в шесть километров, прострелявшему врагом. Но обо всём этом никто не думал. Думали только об одном: долгожданный поезд, поезд победы, пойдёт, наконец, в Ленинград, железнодорожная связь города со страной восстановлена. Вот с этим-то поездом я и хотел вернуться в Ленинград.

Тёмная февральская ночь. Станция Войбокало близ Лядого. Точнее: станции нет. Всё разрушено и погребено под снегом. Командант и диспетчер—а глубоких блиндажах; станцию бьют ежесувно. Навстречу только вылетел...

Было странно стоять в одиночестве ночью на чёрном, обожженном пороком снегу, в открытом поле,

где неизвестнозала буря и ветер поднимал стволы ледяной колючей пыли, слышать отдалённые раскаты артиллерии, видеть кровавые вспышки на горизонте и... ждать поезда Москва—Ленинград. Здесь естественное было ждать уютно: бомбёжки, землетрясения, но только не поезда.

Иногда «случай» выскочил сам по себе, наезда жё-тмк асфальтированных, которые он вызывает. Мой принадлежит к числу последних. Паредо мной то вставал Ленинград, закончивший, а потом новый, и тогда в замыкавших выгн мне чудилось жалобное гудение оборванных, раскачивающихся на ветру трамвайных и трамвайбусных проводов. То аз снежными волнами, ходошами по полю, точно до океану, я различал изрешённые стены Шансесобурской крепости, верного часового Ленинграда, позволяющего часо противостоять нападку врага...

И вдруг в этом неизвестстве, в этой дикой ошавопаке я различал какие-то новые звуки. Минута... другая... и сомнений уже нет: это идёт поезд! Я вгляделась вглубь, ещё ничего не видел, кроме выгн, но с каждой минутой слышал всё отчётливее этот победный, прорывающий сквозь историю гудок вагона, приближающегося поезда. И вот уже видны три красных, слегка затёванных глаза, и мне кажется, что это сама Победа Ленинград, закончивший, а потом новый город Ленин. Поезд остановился, и я впрямо из царства мрака и холода шагнул в новый, чудесный мир.

...Как и тысячу других людей, мне пришлось видеть на войне много. Но этот поезд, сокрушающий врагу, приближающийся точно из другого мира, тогда ещё был для меня столь желанной юшкой мира, поездом, символизирующий бесмертный подвиг и победу Ленинграда, оставшийся моим самым ярким воспоминанием великих военных дней...

А. ЧАКОВСКИЙ,
корреспондент газеты
«Известия»

Тепло

Четверо суток мы почти ничего не ели и спали на снегу, тесно прижавшись друг к другу. Сухое тепло вспоминали о тепле родного дома, оставшегося по ту сторону фронта. Вымало, закрючь на мигловые глекы—и слышался в лесу шорох, то близкая, то немыжимо далёкая, обвадывает тобь—надежда на возвращение. Откроешь глаза—опять угрожающий лёд, снега, ударишь пухом. Это гмт враг.

Командир вымал нас вечером к себе и приказал отправиться в разведку. Мы пошли русским, углубляясь в чашу леса. В полдню вышли на волную, увидели дом и весело, переглянулись. Думали так: судьба, наверное, смилостивившись над нами, послала нам этот дом. Неужели нам сегодня спать в тепле и на полу?

Мы ускорили шаг и, не доходя метров 30 до дома, неожиданно услышали: «Дожидсь!»—шумом приказал командир действовать Лискунов. Мы злегли, ещё не совсем покинув, в лесу, и дождались. Работать окое промелькнула фигура, услышала крики краснойжёлтый дум, и в воздухе залетела

Председатель Совета Министров и Министр Вооружённых Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза
Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Фото Ф. Кислова

**СНИМКИ
ВОЕННОЙ
ПОРЫ**

«Глаза армии» — так называют разведчиков (верхний снимок). Смелые и решительные воины, они в любое время готовы проникнуть во вражеское расположение и добыть нужные сведения о противнике.

В минуты затишья между боями можно передохнуть, стереть липкий пот, выпить глоток воды из походного котелка (нижний снимок)... Но и в эти мгновенья рука не выпускает верный автомат.

Фото С. Альперина

В этом зале победители продиктовали свою волю побежденным — разгромленным и поставленным на колени гитлеровцам. Здесь представитель германского верховного командования генерал-фельдмаршал Кейтель (сейчас в Нюрнберге он сидит на скамье подсудимых как один из главных немецких военных преступников) подписал акт о безоговорочной капитуляции. Восьмого мая 1945 года человечество вздохнуло свободно.

На и ниже в снимке — всё, что осталось от глобуса, стоявшего в кабинете Гитлера в империальной канцелярии. Так вот финал чудовищных планов безумного фюрера о зововании имра..

Фото Г. Петрусова и И. Шагина.

Вот она, красное знамя Победы — символ силы русского оружия, величия и могущества Советского Союза, гордо рвёт над последней крепостью гитлеризма — Берлинским рейхстагом!.. Грохот войны сменила тишина, возвестившая свободному человечеству начало новой эры.

Фото Г. Петрусова.

ЧЕСТВО И РАБОТА

В августе тысячи девятсот сорок третьего года недалеко от города Мичурин нам довелось видеть полосу земли между передовыми линиями сражавшихся армий. Эта полоса была окаймлена звездными лентами оков, колья с разноцветной проволочкой обвивали границу «мертвого пространства». Около двух лет здесь не было жизни: пока пагара не ступала по полю, никто не бросал в землю семена, она заросла шпиреей и вертополохом. Гороховых пшениц было покровало всё в поле между окопами, серый цвет удручал взор. Скелет павшей лошади, сбитое колесо, воронок от снарядов, пустынный горизонт там, где раньше были сёла, урочища, золотыхыми шпалами церквей, рощицы, прославленные Тургенями...

— Русская земля! Видения прошлого оставали в нашем сознании на полях войны. Немцы хотели, чтобы пустыня земля стала пустыней, как во времена монгольских набегов, чтобы в страхе ушёл отсюда человек, чтобы никакой войн домини в полях несли пагара и жажора... Они дошли до своей отвратительной идеи о «зоне пустыни», превращения русской земли в «жизненное пространство» для «стрельной империи».

Вслед за войсками в ту же орловскую деревню явились специалисты по аграрным делам. Перу одного из них принадлежит «спикор проживавших ранее помещиков в пределах Ломовской волости». Так озаглавлен документ, изданный нами на архиве «Моховской уездной управы». Документ этот помечен 4 ноября 1942 года. В этот день в 1917 году был опубликован ленинский декрет о ликвидации помещичьего землевладения в России. Случайно ли совпал день, указанный на «стреле» немецкого прохвоста, с датой декрета или немец специально приурочил своё произведение к этой дате, не знаем. Бумага, составленная немцем, свидетельствует о том, что в процессе, в котором работала мысль комманданто и полковников, являвшихся сюда за войсками осанить «оживленное пространство» и учредить «новый порядок».

Некоторые приделы не только восстановили полузубы орловские крестьянами структуру административного аппарата: вслед за учреждением «местностей и селура», с названными которых связано представление об управлении и строевом режиме, о старшине-черносотенце, о кулачке и протге, немцы реставрировали в захваченных или районах крупное частное землевладение.

Имена некоторых помещиков фигурируют в списке, найденном нами в брошюном немцами при отступлении архиве «Моховской уездной управы». В графе «фамилия, имя, помещика, жившего до 1917 года», значатся: Михаил Львов, Александровна, Соков Александр Дмитриевич, Еланский Леонид Петрович и другие.

Для чего немцям промозг похвращать мёртвые души орловских бар? Не думаем, что они хотят вернуть землю Еланским и Соковым или потомкам их... Росские помещичьи прав на землю поладобили окультурив на то то, чтобы подвести хотя, каку-нибудь юридическую базу под грабёж. На русские земли должны были осесть немецкие помещики. В бывших дворянских гнёздах со столетиями липами и голубыми трувами должны были осуществлять свою колониальную миссию прусские конюшеры и багварские пивовары.

Новоизбранные господа похвещали. «Ломовская волость Моховского уезда» ещё находилась в прифронтовой зоне, поэтому немцами оттолкнул артиллерийской канонады, гитлеровцы составляли исследования форм землевладения в России в бомбужёбищах, их труда нередко обрывают партизанской пулей. А в захваченных немцами сёлах уже проводилась новая земельная реформа.

Объектом этой реформы стали земли колхоза «Красная звезда». В былые времена часть этих земель входила в состав помещика Ефросимов. В этом именовании обосновался гитлеровский генерал, командовавший одной из войсковых групп на Орловском фронте. Генерал руководил операциями верных ему войск и попутно занимался делами по именованию. Он дал ему громкое имя — «германское показательное хозяйство». Оставшаяся в земельном колхознике и колхознике сельскохозяйственной артели «Красная звезда» была привлечена к труду на нового феодала. Гитлеровский генерал корени свои отбросил отрубив и картошкой. Его уральско-польский был лютеей по праву и был новата по зубам. Покладница немецкая бравь раздалась, под вековыми русскими липами, туля грядёй, приделывались по применяе в своей гряде. Балачок этой божии уже не пугался, в имени были вещи пострашней, чем немецкая матерщина.

«Германское показательное хозяйство», укреплённое 3 июля 1942 года, просуществовало на орловской земле год с небольшим; в последние дни 1943 года генерал-феодал бежал анлетке из немцев, из устев своего архива...

Только безнадёжные ценности полагали, что им предстоит стать помещиками в захваченных городах и сёлах Орловской России. Никто не отказал такому гитлеровцу, как Эрих Кох, занимавшему должность гаулейтера Украины, в дальностию. Кох полагал, что он не хозяин ни Украине, а лишь жалкий временщик, что его роль в Кизеве в лучшем случае сводится к тому, чтобы урвать для нужд своего фатерлянда хоть каку-нибудь хлебную толику. Он отбрасывал ссуды подчинённых, занимавшихся излужением буга украинского села, пытавшихся похвстать своеобразные оккупированных местностей. «Если центнер пшеницы важнее, чем украинская проблема», как, поучая подчинённых, писал гаулейтер в изданной им газетке.

Мысль о «зоне пустыни» практически осуществлялась немцами-инженерами. Они делили своё чёрное дело с прелестной немецкой акуратностью и педантичностью. Они многое передали огню в местах своего владения. Но они просчитались в ставке на разорение нашей земли. Они просчитались в главном — в оценке русского, советского человека. Они не поняли силы его. Не сумели оценить того чувства хозяина своей земли, которое присуще нашему человеку. Даже тогда, когда русский вынужден нести беду себе иро похврату, когда его труд разоряется капиталист в помещике, он глубоко господ поимал и знал «свойства своего народа и выгоды земли своей». Став же полным хозяином своего труда и своей земли, он становится неизмеримо ярост как гражданин, как патриот, как хозяин.

Чувство хозяина пронизывает труд солдата-колхозника во все годы войны и мира. Оно одолевает этот труд. Оно делает труд лёгким, радостным, каки бы тяжёлым и изнурительным он был. Оно даёт людям силу и мужество пережить такие лишения и трудности, которые порой кажутся сверхчеловеческими. Оно заставляет людей искать, мыслить, творить. В этом чувстве хозяина один из источников наших побед в военную дору. В нём один из верных залогов успеха наших людей в борьбе за утверждение великих побед, за восстановление независимого народного хозяйства, за полъём и расцвет всех его отраслей, за повышение жизненного уровня населения, за величайший прогресс всей нашей жизни, за счастье народа и государства.

В новом сталинском пятилетнем плане советские люди видят выражение своих коренных интересов. А весь мир знает, как умеют наши лю-

ди бороться за эти интересы, какие богатейшие силы проявляются в этой борьбе.

Даже в самые трудные моменты войны не изменил советским людям чувство глубочайшей уверенности в будущем, сознание, что победит наш народ и наша армия, их воля. Они смотрели на Сталина. Они видели проявление железной сталинской воли. Когда немцы кричали на весь мир, что с Москвой покончено, что Красная Армия уже не существует... Сталин взял красноречивые полки на исторической парад на Красной площади. Немцы были на берегах Волги, а в Кремле являлся с планами отпора врагу и его разгрома зрели иде последние минуты мирового строительства, те идеи, которые ныне облеклись в чеканные формулы государственного Закона о пятилетнем плане.

Так зародилась новая пятилетка. Василий Гроссман один из замечательных летописцев событий войны — рассказывает о человеке, которого он встретил на рубеже войны и мира, на вильню польской границы. Человек прибыл домой, в Орловскую область. Ему сорок лет с лишним, он в перлах дурно был на фронте в мимолётных войсках, был тридцать ранен. «Шинель его, в чёрных пятнах, в двух местах изорванная осколками, являвшая швабу, обмотки и тряпичные ботинок, одежда солдата, фляжок, который лёг на дождь». Он ставший боец и писатель встретился в дороге, похвалившись, разогорившись. Солдат был уверен, что, прядя домом, спянит с такостью мирной жизни, как спянит с такостью войны. «Ничего, подождем жизни, и дам построим», — сказал он.

«И вот удивительно дело», — рассказывает писатель, — когда пишешь и размышляешь в яроске, огромном вихре последних впечатлений войны, почему-то прежде всего и ярче всего вспоминается прифронтовой хуторок и эта случайная война, обмотки и тряпичные ботинок, вспоминается его худое лицо, его умная, тихая речь, мешочек риса, который он везёт в орловскую свою деревню, рассказ о зиме сорок первого года, его шинелька, с пыльными пятнами огни, его рассуждения и мысли о прошлом и будущем, вспоминается поле, которое он по пути к дому кошею.

Но, конечно, нет в этом нечто удивительного, лишь странного, именованно и, и не что иной, так остро, сильно запоминается. Этот случайно встреченный прохожий тем и замечательный, что возож он на тысячях таких его прошедших войн, боток, что ясный язык его, любовь к труду, споконья вора в добру и худбу его, чудный подлин терпения и труда, совершенный он в великой скромности, подвиг, за который не просит он ни награды, ни похвещей, всё это не личная черта, черта доброго и сурового, трудового народа. И когда прочёл я слова Сталина на кремлёвской встрече с командующими фронтами, обращённые к русскому народу, что мужество, уваж, к его терпению, то вновь встал перед глазами главный герой великой войны... — солдат, красноармеец.

И стронт новый, светлый дом в орловской деревне... исследует землю этот человек, что сменил нам на эту, что пережил быстро и окошко, как победит хозяину, к крестьянскому труду от ринных дел. Великий ум, влещенный им из войны, поможет ему бороться и побеждать на трудовом фронте.

Пятилетний план открывает новый период в развитии нашего города, нашей деревни. И горожанам и крестьянам придётся много и упорно работать в эти годы, но есть, за что бороться, но ими чего не пожелало им ни, провидя близжайшее будущее, видит наш человек со своей исторической мысли, как поднимается к нему труд новых залогов, как новые города встают, как глыбы голубого пространства, как расцветают сады на земле нашей...

На западе страны бушевала грозная военная буря, а на востоке советский народ, твёрдо уверенный в победе над врагом, создавал новые предприятия социалистической индустрии. На с и м к е — одно из строителей 1942—1943 военных годов. Возведение прокатного цеха Челябинского металлургического завода.

Фото В. Новова

Во время войны за рубежом писали и говорили: «Советское чудо». Так называли изумительный процесс перевода наших предприятий из военной зоны в глубокий тыл и их роль в снабжении фронта. Так называли рекорды наших работников и рабочих, неслабленную производительность труда. Так называли подвиги колхозников и колхозниц, творчество советских учёных.

Советский человек знает, в чём особенность его государства, его Родины: она в природе общественного строя нашей страны, в социалистическом укладе её экономики, в новых, социалистических отношениях между людьми. Отсюда «советские чудеса». В них нет

ничего такого, чего не мог бы постичь человеческий ум. И сейчас за рубежом всё больше становится людей, понимающих сущность нашей социалистической страны и даже заместивших кое-что из её великого опыта.

Своими силами советские люди, руководимые партией Ленина—Сталина, построили могучее советское государство. Своей самоотверженной борьбой народ наш завоевал авторитет спелителя мировой диалектики. Он идёт в авангарде всех передовых, прогрессивных сил мира.

Каждый человек нашей страны видит связь своей личной судьбы с судьбой родной страны. Он чувствует себя хозяином огромной страны,

занявшей территорию от финских ледяных склад до пламенной Колхиды, от вод Балтики до тихоокеанских вод. И, как хозяин, он взялся за осуществление сталинского пятилетнего плана.

Подлый враг тешил себя мыслью о том, что он, уходя, так хлопнет дверью, что большой советский дом содрогнётся в своём фундаменте, что страна наша будет отброшена на полянка назад. Мы не оставили врагу этого последнего утешения! Сталинский пятилетний план окончательно загонит в гроб вражеские надежды на ослабление могущества нашей Родины.

Этот план победит!

НА ВСТРЕЧУ

У 1950 ГОДУ

Фото А. Шахера

ВЕЩНИН

Рассказ

Гризодуб загаснула поселевшую пуговицу новенькой шахтёрской спецовки, приладила на свою большую залогу стрижную голову страву и рываду бескомарку и, скрывая лукавую усмешку под густыми усами, строго спросил:

— Ну, товарищ гвардии эфрейтор в отставке, как тебе нравится мой вид?

Ваня Косарь, прищипавшись, посмотрел на ноги Гризодуба, обутые в пепельного цвета, не покрытые лаком калоши, известные у шахтёров под названием чуней, оглядел всю могучую, крепкую фигуру старого шахтера, адляло обтянутую эластичными комбинезоном, посмотрел на руки, скрывающие новенький белый черенок с нажиганным на него обухом, свежеего-вашиным, тоже ещё новеньким: В тон другу он ответил:

— Отличная выправка, товарищ гвардии сержант в отставке!

Этот тот ласковой намешки друг над другом несмотря на разницу в годах был усевен им ещё на фронте.

— Помогаю же я, Ванюша, лет на двадцать как хлебнув родного воздуха, как гляну на копыта, так и помню. Да, родились тут, Ваня, женился. Вот тут курган походы на моих глазах вирос.

Ваня Косарь внешне насмешило, но внутренне с восхищением слушал Гризодуба. На фронте он был годом воевавшим, окован, во всем удачливый разведчик, но теперь в шахтёрском обмундировании, на родной шахте, Гризодуб был ещё веселее, ещё увереннее.

— Ну, пошел в атаку, эфрейтор! — сказал Гризодуб.

Начальник шахты Сырцов, пробегая по эстакаде, увидев, как по лестнице поднимался на верхнюю площадку старший забойщик, кренячник и проходчик Гризодуб. Как ни спешил Сырцов, он остано- вился.

— Ну, Степан Тарасевич, какое настроение? — спросил он, когда Гризодуб поднялся на площадку лестницы.

— Не знаю доверного, товарищ начальник!

— Сколько сегодня дашь уголька для печины?

— Известно, не хуже доверного. Ну, Ваня, кто твою доверную по- дам, на копыта, Степан Тарасевич, не под силу обеспечить тебя фронтом забор, ле- ском.

— Ничего, мы зубастые горняки: потребуем обеспечить всем необходимым. Снял Гризодуб, сломявшись на своем веку не одну преграду, его голад по труду, светлинки в глазах, сказали Сырцову, что на шахте наступают большие перемены.

— Правильно, Степан Тарасевич, трезбуй всё необходимо, живые поворачиваться будем. Счастливо! Колька, чуя!

Гризодуб, пропустив вперед Ваню Косаря, вошел в мокрую, будто выпившую со дня моря подемьную кувшину.

— Ну, дождись, Ванюша, сейчас засосёт колодезкой.

Рукотичка — широкаячная девушка-толстушка, одетая в мужскую рубашку и шаровары, повязанная рёменной косынкой, — закрыла решетчатые двери казны, проследившая вниз, в машинное отделение, потянула на себя рычаг, убирая изпод колёс тормозные кулаки. Отдавлено четырёхдверный ронг, что означало: «Слушай и поднимай!» Колька, чуя, приподнялся вверх, несколько секунд раскачивалась, словно на резиновом канате, и медленно начал опускаться вниз. Промелькнул жемчужный переплет копра, нижний шахтный двор, уровень земли. Катя, стремительно набирая скорость, камнем, с ветерком по-

тевал вниз, и хотя Ваня Косарь воепо не было страшно, он схватил руку Гризодуба и вскрикнул:

— Ой, дух захватывает!

Катя пошла тихо, остановилась. Поток воды, оставивше по стволу, с шумом ураниного ливня обрушивалась на железную крышу казны. Свояз решетку двери Ваня Косарь увидел шахтный двор, ярко освещенный большой электроточкой грушей. Стволовая решётка рожку, и Гризодуб, втянув голову в плечи, подняв воротник спецовки, просекоча под холадным дождем на освещенное пространство. Ваня Косарь выбежал за ним.

— Смотрите, что делается! — сказал Гризодуб, разглядывая палецы на дубовом креплении, равнянну на рельсах и рыхлые железобетонные ступени ещё дохранившие на себе тёмножёлтые следы раздающихся шахтных вод.

— Без нас и железо пропаять стало. Вот немцы что доделали!

Ваня Косарь смотрел не на палецы, а на своего друга.

— Наш человек крепче дуба, крепче железа.

— Это верно, Ванюша. Есть человек — будет и жизнь. Ну, пойдём, другос. Смотрите, приметай дорогу. Вот это место называется старым двором. Мы пойдём прямо, коренному штреку. Штрек — это дорога к забюю.

Резьничная аккумуляторная лампочка, которую чуть не вылов, Гризодуб быстро пошёл в темноту г глубины. Ваня Косарь поспешно следовал за ним. Дорога была длинной, очень утомительной и скучной. Чем дальше уходили от ствола, тем сильнее жарче прохладало, тем неизвешнее стало возникший здесь, глубоко под землёй, дух в спину, приятно освежал. По всему штреку через каждые два шага стояли массивные железобетонные столбы, накрытые толстой перекладной. Изредка проносилась поезда, груженные углем, порожики. Ваня Косарь разглядывал всё это спокойно, с усердным любопытством. Ничего нет особенно интересного. Чему Гризодуб радуется? Почему часто останавливается и, оборачиваясь к нему, широко улыбается?

Ваня Косарь за год войны прошёл через самые страшные испытания: три раза был ранен, заглянула в глаза голодной смерти, булчи в немецком окружении. Повора мать, все остальное, что несчастья были не то что забыты, когда он встретился на фронте с Гризодубом, но стали менее болезненными, менее мешали жить. Гризодуб, ас на двадцать старее его, был ему и другом, и отцом, и больше него братом. Не разлучались с ним на войне, он не захотел разлучаться и в дни мира. От него многого слышал о Донбассе, о шахтёрском труде. Ваня Косарь, когда он был тогда на фронте, слушая рассказы друга, он видел много хорошего в шахтёрской жизни. И всё-таки поехал с ним. Он Гризодуб, что Гризодуб научил его любить тяжёлый труд шахтера, как научил любить в своё время тяжёлый, смертельно опасный труд разведчика.

— Степан Тарасевич, почему эта шахта называется «Великан»? Что-то не вижу и ничего великанского!

Палеко сморщился, Ванюша: тебе не видно ни назвья, ни назвья. Да разве иверия она называется «Альберт», хозяйским именем. Лет двадцать так и жила маленькая, малая — «Альберт». Говз за три до войны иномор издалась и стала называться шахта моладые, восьмичетвертовые палецы. Москва оставала планы, прислала на нас машины, адляма тыма-тымающая по-

наехала, и мы привезли на двао. Мы углубили шахту метров на четыреста. Сделали пять рабочих горизонтов, ну и назвали её «Великан». Вот этот горизонт, где мы сейчас, на двдм, на высоте двести двадцать, он ещё холостий. Проглядыва Альберта. Наш «Великан» ниже, под твоими ногами. Там всё обрушено, затоплено, вдовья крошка лампы в постах спецовки и опуская на четвереньки.

Ваня Косарь затаил дыхание. Глухие, кающиеся удары доносились отсюда-то слышался колыбельный стон. Проглядывай внимательно, он заметил небольшую дыру между двумя палецами пороцы.

— Вот сюда мы и подем, — сквиза Гризодуб, вдовья крошка лампы в постах спецовки и опуская на четвереньки.

Быстро, локо работая руками и ногами, он вошёл в тесную, с двумя обрванными краями дыру и прова в темноте. Раньше на фронте, где я равнеку с другом, Ваня Косарь боялся не снапешности, трудности, а боялся остаться от него, делать не так, как делал Гризодуб. И теперь торжано, не отставая от старос шахтера, он подал за ним по крутой, градусов в сорок, сколькой подоше лавы, вдоль длинного жооба, напомуниного углем, несущимся вниз, коридору под палецами.

— Вот и на месте, — тижало дыша и отирая рукавом мокрое, разгоряченное лицо, сквиза Гризодуб.

Он ас, движомая, несколько повозвала теснота дыры, разбрзоса руки и ноги, закрыла глаза. Под его усами играла прежняя весёлая улыбка.

Ничегого отголхуи, Гризодуб поднялся, открыл глаза, востукая в стену, аккумуляторной лампы в крепящую стойку, рзделся до пояса. Белоо крижестое его тело резко выделялось среди пепельной породы чёрного угля в тесной темноте, чуть разблуженный светом лампы. Он обмотал туजूру и рубаву вокруг крепящей стойки и, хмурясь и фыркая, достал из кармана шаровар новенький в своей оканке шпатель, целела его в тесло обуха, попробовала, кинул им подошу пороцы, крепко ии держится.

— Вот и олимп ветренился! — проговори он, наступившая обухом. Лампа искрилась черным стеклом, весело звенящий угольный палец. — Здорово, чувак! Как поживаа без нас, а? Ну, шомальчик! Как поживаа, расквизился! Начинай!

Гризодуб, стоя на коленях, подал в одну ладонь, потом в другую, резко со всей силой забросил обухом за правое плечо и апешито крикнул, возник осталье зубок в чёрное бегущее тело палеца.

И как только изпод обуха брызнула угольные осалки, смешанные с огненным искрами, как только Ваня Косарь увидел под кожей своего друга буино тупеющую и остывающую сталь, он сразу вырвался из груди шахтера, он сразу понял то, чего не мог понять раньше. — Гайба за гайбой летела на конвейер угля. Покодрю с вылаем хрупком рассказывала палец, с неудержимой простотой мелкая белая черенок обуха.

Много хвалили Гризодуба на фронте за его труд разведчика, не раз награждали орденами и медалями. И вот здесь, в шахте, Ваня Косарь увидел, что его друг на силу великана-труженика. Ваня Косарь сидел под жарким, наполненным, валившим на него дождем, заворачиваясь в свой плащ, и вдумчиво думал, что ему и вичну работать в шахте. Ему было так радостно, так он чувствовал себя высоко, будто он и его друг накопались не глубоко под землёй, а на полях, а больше того, по соседству с солнцем, на виду тысяч и тысяч людей.

Немцы разрушали. Они хотели превратить Советскую страну в «зону пустыни». Ещё не отзвучали последние выстрелы, как повсюду в стране началось восстановление разрушенного. На вверху снимка — макеты будущего Сталинграда (вверху) и будущего Ростова на Дону (внизу). Этого ещё нет, но так будет. На месте рuin возникнут новые, прекрасные социалистические города.

СОЛНЕЧНЫЕ МАШИНЫ

Инженер Фердино Молеро, испанец по происхождению, в своё время руководил республиканской Испанией, борющейся против войск митяжской и иностранных интервентов, с 1939 года работает в Академии наук СССР. Он занят разрабаткой давно желаемой им идеей о создании эффективной геотермостанции, годной для применения в промышленных условиях.

Академия наук предоставляла инженеру все необходимые условия для исследований и экспериментов. В Энергетическом институте Академии доктор технических наук Ф. Молеро имеет в своём распоряжении специальную геотермолaborаторию, в которой под его руководством работает группа научных сотрудников. В результате теоретических исследований и расчётов доктора Молеро уже сконструированы и построены первые образцы геотермостанций. Одна из них сооружена в Москве при участии Всесоюзного научно-исследовательского института холодильной промышленности Министерства пищевой промышленности СССР и предназначена для получения льда. Её производительность — полторы тонны в день.

Сердцем солнечного генератора является зеркало диаметром в 6 метров. Это огромная выгнутая тонкостенная железобетонная чаша, выложенная внутри большим количеством амальгамированного стекла. Перед зеркалом, в его фокусе, на металлических фермах помещён паровой котёл. Для того чтобы котёл всё время находился в фокусе, автоматическая система управления и отражателях параболического зеркала, небольшой мотор при помощи специального механизма поворачивает зеркало «внимом к солнцу». Отклонения зеркала образуются в течение года, регулируются ручным способом.

Солнечные лучи, собранные в фокусе зеркала, дают чрезвычайно высокую температуру. Раскалывают, что во время монтажа установи-

производилось осенью 1945 года в пасмурную погоду, из-за облаков вдруг выгнано солнце и на работу, случайно оказавшись в фокусе зеркала, мгновенно воспламенилась одежда. Если бы его точно же не оттащили в сторону и не оказали помощи, он сгорел бы.

Вода в паровом котле в фокусе зеркала быстро превращается в пар. По трубкам пар направляется в помещение, где размещена холодильная часть геотермостанции, и там обогрывает котлы, наполненные водно-аммиачной паровой аммиака отгоняется, затем конденсируется под давлением в жидкость. Жидкий же аммиак, применение которого в холодильных машинах обязательно, при испарении вызывает резкое понижение температуры. Этот холод уже непосредственно используется для получения искусственного льда. Испытания геотермостанции подтвердили пра-

вильность расчётов и дали положительные результаты.

В Ташкенте ведётся испытание новой промышленной геотермостанции системы доктора Молеро. Она обладает самым большим параболическим зеркалом в мире, диаметром в 10 метров. Слой солнечных лучей, сконцентрированных в фокусе этого зеркального параболоида, разлагает температуру около 1500 градусов по Цельсию.

О своих геотермостанциях доктор Фердино Молеро говорит:

— В умеренных широтах подобные установки могут найти применение в союзных отраслях народного хозяйства, в некоторых отраслях пищевой промышленности, а также для параллельной работы котлами, обогреваемыми твёрдым или жидким топливом (для отопления этого топлива при солнечной погоде). Вообще же пар, получаемый в котлах геотермостанций, может быть легко трансформирован в любой другой вид энергии (тепловую, силовую, электрическую) общепринятыми способами. Иначе говоря, область практического их применения безгранична. Стоимость квадратного метра зеркала в производстве достаточно низка, чтобы не вызывать сомнений в экономичности строительства геотермостанций.

Коллектив геотермостанции Энергетического института Академии наук СССР в настоящее время выдвигает теоретические изыскания для проектирования геотермостанций, микрократно превосходящих по своей мощности Ташкентскую установку и способных давать не десятки килограммов, а тонны пара в час.

Наиболее крупные перспективы для таких геотермостанций — в районах с большим числом солнечных дней в году, а частности в республике Узбекистан. Там насчитывается в среднем в году до 280 солнечных дней.

В. Рубц

Как ни обширен московский стадион «Динамо», вмещающий и для интереснейших футбольных матчей до нескольких тысяч человек, всё же принять в свои стены всех желающих он не может. Тысячи болельщиков остаются вне стадиона. Правда, на помощь им приходит радио, передающее результаты отдельных игр, но всё же в духе неудачников не рассеивается острое чувство неудовлетворённости.

Порадовать болельщиков. Положение изменить, футболки матч смогут смотреть и те, кому не повезло достать билет на стадион. Для этого не надо будет даже покидать свою комнату. Картина игры развернётся перед зрителем на экране телевизора.

Московский телецентр получит специальные съёмные камеры-передатчики. Они-то и дадут возможность организовать телевизионный репортаж. И не только со стадиона, конечно, в отставку, где происходит что-либо интересное, с площадей в дни праздников, на театрах, музеях, с предпрятий.

Впрочем, такой репортаж — только необходимость, хотя и вызван такая интересная работа, развернуть которую должны в ближайшие годы Московский телецентр.

В Законе о новом пятилетнем плане сказано: «Восстановить и технически переоборудовать телевизионный центр в Москве... Уже сейчас приведено в порядок, совершенствованию и пополняется оборудование студии и аппаратуры. Скоро Телецентр вылучит новые возможности. Тогда он сможет передавать не только отрывки из театральных постановок, а и новые кинофильмы.

К концу года значительно улучшится качество изображения. В отом отношении мы ста-

ПОКАЗЫВАЕТ ЛЕНИНГРАД

ним на один уровень с США, обогатя другие страны.

Начинаются работы по постройке ещё одной студии, более обширной и лучше освещённой. В середине следующего года она вступит в строй. С этого момента в эфир будут передаваться две параллельные телевизионные программы. Зрители смогут выбрать, что им смотреть и слушать: послезавтраковую кинокартину или новую постановку. Большие театры, репортаж о футбольном матче или кон-

церт мастеров этрала. А к концу пятилетия советское телевидение должно стать многоцветным, правильно передающим все краски.

К сожалению, дальность приёма телевизионных передач невелика. Передачи Московского телецентра можно принимать на расстоянии до сотни километров. Короче говоря, они обслуживают только жителей столицы и её пригородов. Поэтому принимаются меры к тому, чтобы охватить телевизионным вещанием более широкие районы. Будут построены телецентры в Ленинграде, Казани и Свердловске. Начнётся сооружение так называемых ретрансляционных линий. Они представляют собой ряд высоких мачт, удалённых примерно на тридцать километров друг от друга и снабжённых приёмно-передаточной телевизионной аппаратурой. Первой будет построена ретрансляционная линия Москва—Ленинград. Это позволит производить обмен программами между городами и — что ещё важнее — организовать с небольшими затратами обслуживание телевизионных городов, через которые проходит линия.

Таков заграничный вид советского телевидения...

...статётся сказать несколько слов о телевизионных приёмниках. Пока их мало. Но уже подготавливается серьёзное производство отечественных телевизоров «Т-1» и «Т-2» с экраном 18 на 24 сантиметра. Конструируется приёмник «Т-3» с увеличенным экраном. К концу пятилетия сотни тысяч жителей Москвы, Ленинграда, Казани, Свердловска, районов, где пройдёт ретрансляционные линии, смогут смотреть в экранах своих приёмников телевизионные передачи.

М. Арцев

Таким был до войны Днепрогэс. Таким же он будет, вскоре снова. Немцы оставили на месте первенца наших пятилеток груды бетона и металла. Восхищенные победой над врагом, советские люди с великим энтузиазмом восстанавливают свой энергетическое хозяйство. Много новых электростанций будет построено за годы четвертой пятилетки, и в 1950 году наша страна получит 22,4 миллиона киловатт электроэнергии.

Фото Г. Петrusова

ИГРЕ НЕ НА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Поезд подошёл к какому-то полустанку. Странно: почему так много пассажиров сошли здесь? Каким транспортом, тайга? Со стороны железнодорожного полотна тесно скаты густой и молчаливой чащбы леса. Кто сбегает тут делать люди, покинувшие поезд? Уже не на охоту они пришли?

Нет, не на охоту. Последует за ними туда, куда лежит их путь.

...Тот они проехали лесом несколько километров и миновали место Дорота. Дорога заканчивается на восток; где раскинулись деревянные домики бывшего старого посёлка «Туринские рудники». Здесь родился гениальный русский учёный, корень мировой науки, изобретатель радио Александр Степанович Попов. Сюда-то и держат путь люди, за которыми мы последовали с вами, читатель...

Мы в Красноуральске, в самом молодом и самом северном городе Урала. Это младший брат уральских городов. Лишь недавно отметили он свою первую годовщину.

Рядом со старым посёлком скважино быстро вырос крупный промышленный центр. Красноуральск — это алюминий, уголь, лес, медь, золото. Жизнь многоотраслевого населения города тесно связана с построенными здесь во время Великой Отечественной войны гигантами цветного металла — Богословским алюминиевым заводом, с его громадным газодинамическим производством, олеумчаными электролитными корпусами, мощной теплоэнергетикой, десятками подсобных цехов.

За заводом виден хребт Уральского кряжа. Между горам и городом, в долине реки Турья, находятся разрамы знаменитых Богословских копей. К северу от города расползаются горы Кузуба и Золотой Камени, у подножий которых разрабатываются богатейшие месторождения бокситов, известняк здесь под политическим названием «Красная яловина». А восточнее и восточнее в годном районе возник новый центр угольной промышленности на базе Волжачского месторождения.

Этим не исчерпываются природные богатства

Красноуральские. К северу и северо-востоку от него, по речкам Сосова, Вагранка, Чиряк, Волчанка, добываются золото. Неподальку от города есть медные и железные рудники, карьеры с огромными запасами отлаченных огнеупорных глин.

В здании Красноуральского индустриального техникума помещается музей имени известного русского кристаллографа профессора Евграф Степановича Оберова. В шкафах музея хранятся 220 тысяч образцов разных местных горных пород — бокситовых, медных, железных, марганцевых руд, угля, золота, огнеупорных глин...

Такой район Красноуральские, район неметаллических богатств, разрабатываемых жителями здесь советскими людьми.

«В суровые ноябрьские дни 1941 года прибыла сюда, в армечую тайгу, в топь, на голое снежное поле группа простоканских Днепропетровского алюминиевого завода. В глухой край трехскучных уральских морозов и метели предстояло увезти с запада, подальше от врага, гигантский завод. Сорвать армиями атам вместе со старыми подданными, доставить их на Северный Урал, установить на новые фундаменты и установить так, чтобы они немедленно давали алюминий, — это было чудом! И оно совершилось благодаря героизму людей, взявшихся это сделать».

Так было положено начало Красноуральскому, становящемуся культурному городу с шпакобетонными и кирпичными домами, расползающимися вдоль шоссе дорог, домами с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. Там, где недавно царствовала тайга, сейчас возвышаются стены высотных соросагитавитурных жилых зданий, школы, техникума, библиотеки, радиоузы, клубов, строится котельная, магазины, комфортабельная гостиница.

Блистательное будущее ожидает этот город.

Красноуральские — не исключение. Недвижно стоят городом и дальной уральской тайгой по-прежнему Исады. До войны тут вообще никого не было, но приехали люди, эвакуировавшиеся из Николая, и построили известней сейчас всей стране марганцевый техникум. Теперь здесь действует станция Уральского филиала Академии наук СССР.

Не значится ещё на географической карте таежные уральские города, как Каринск, Северо-Уральск, Нижние Серги, Верх. Сухой Лог, Талица, Новая Дьяна и другие. Это города, выросшие за последние годы из сёл и рабочих посёлков. Вызвала их к жизни неуёмная энергия советских людей, осваивающих неисчислимые богатства своей необъятной Родины.

Не только на Урале живут она, эта энергия. Перенесённая, например, с Урала в Азербайджан, в район южного города Сумгаит.

Здесь были пустыни, простёртаившаяся на десятки километров вдоль моря, Карышчанынженер Роман Фёдорович Ковалев прибыла в эту пустыню, несущуюю ветрами, дурящую дымом и копьющей травой, а для войны. Сюда он приехал с заданием построить город, где варить сталь и прокатывать трубы. В тяжёлых условиях приходилось Ковалеву создавать строительство жилищного и других зданий. В Азербайджане не один Сумгаит отсутствует на карте географической: можно назвать также города Ордубады, Куба, Хачмаз, Зекатлы и другие. И так во всей Советской стране. Куда ни кинь взгляд, повсюду строительство новых ирригации, новых городов.

Никакой белоусовой Клоадыли не сравнится с тем, что делается сейчас в этих, не знаящих себя на географической карте городов Советского Союза, занятого огромным социалистическим мирным трудом.

Б. Борисов

Английский физик и ботаник Роберт Гук в шестидесятых годах семнадцатого столетия усовершенствовал известный в его время пружинный микроскоп, и перед нашими глазами человечеством открылся новый, долгое время неведомый мир.

Бухгалтер и часовщик ювелира в Амстердаме, Антоний Левенгук, увеличивший микроскопский как любитель, с помощью такого микроскопа, увеличивающего изображение наблюдаемого предмета в сто шестьдесят раз, в 1666 году сделал ряд поразительных открытий, составивших основу в науке и приведших ему славу знаменитого натуралиста.

Дальнейшее усовершенствование микроскопа позволило сыграть ему огромную роль в истории развития естествознания, медицины и некоторых других отраслей науки.

Обычные современные микроскопы дают увеличение рассматриваемого предмета в 1—3 тысячи раз и применяются при самых разнообразных исследованиях. Но и эти достижения уже далеко не предел. Ученые стремятся проникнуть в глубочайшие недра материи.

В последние время изобретены так называемый электронный микроскоп. Исследуемый предмет освещается в нём не светом, а пучком электронов. Первый такой микроскоп в СССР был сконструирован в 1940 году. Он увеличивал предметы в 10 тысяч раз. Летом в Государственном центральном институте была создана новая конструкция электронного микроскопа, дающего увеличение до 25 тысяч раз.

Член-корреспондент Академии наук СССР

МИКРОСКОП, УВЕЛИЧИВАЮЩИЙ В 25 ТЫСЯЧ РАЗ

С. З. Рогинский в сотрудничестве с доктором физико-математических наук А. Б. Шехтером и группой других учёных применил электронный микроскоп для изучения катализаторов. Катализаторы — это вещества, в присутствии которых химические процессы приобретают желаемую скорость и направление, причём сами они в реакциях не участвуют. Их применение в современной химической промышленности обусловлено наиболее крупными успехами в получении высококачественных безавно, искусственного каучука, синтетического янтра.

Важнейшим вопросом является выяснения следующего вопроса: какие особенности вещества сообщают ему свойства катализаторов? При помощи электронного микроскопа впервые удалось разглядеть строение катализатора, размеры и расположение мельчайших кристалликов, а также микрорайоны, в которых протекает каталитический процесс. Образцы катализаторов, представляющие собой сложнейшие, пробиркой арко выражающую индивидуальность, и вполне определённые различия между хорошими и плохими катализаторами. Теперь можно уверенно работать над усовершенствованием катализато-

ров, а следовательно, добиться ещё больше успехов в каталитических процессах.

Это лишь один из примеров использования электронного микроскопа. Вообще же сфера его применения чрезвычайно обширна.

Одним из новейших изобретений также ультрафиолетовый микроскоп. Принцип его действия основан на получении на флуоресцирующем экране цветных изображений препаратов, несущихся невидимыми ультрафиолетовыми лучами. Дело в том, что различные объекты поглощают лучи ультрафиолетовой области спектра различно. Возмимет, например, тонкую алюминиевую пластинку, агоните в ней серебряный галогид и отполируйте поверхность пластинки с этим галогенидом; вы из микроскопа рассмотрите пластинку под ультрафиолетовым микроскопом, вы увидите, что пластинка окажется жёлтой, а галогид — красным. От пластинки вылетит лучи синеватой окраски. Новым микроскоп обладает очень высокой чувствительностью и обнаруживает содержание даже мельчайших количеств ирриодного вещества в препарате. Этот метод микроскопии имеет большое будущее в самых различных областях науки и техники.

Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. предусмотрено создание и развитие массового производства новейших типов микроскопов, в том числе электронных. Вооружение советских научных учреждений столь мощными средствами анализа и исследования является одним из самых важных условий научно-технического прогресса.

А. Васин

Хлеб — наше богатство, наша сила. 1950 год даст сельскохозяйственной
продукции на 27 процентов больше, чем последний довоенный год.
Мы получим 127 миллионов тонн зерна.

Фото А. Шахера

ЮРЯ

Рассказ

1

Три года я торопливо писал на посылке письма и в сборе сиропов, с каждым разом отчаявшись всё больше. И когда летним апрельским днём 1945 года подошли в дверь, я сказала «Войдите!» почти со злостью: никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить. Дверь открылась — и вошла Маша, добрый, и в шинели. Ещё не разглядев, кто перед ним, он спросил, здесь ли живёт Вера Петровна.

Поженившись, мы уехали на кг, в маленький приморский городок, с трёх сторон окруженный пустынными невеселыми горами. Одна из этих гор, сожояная вулканы из моего школьного учебника, вливалась в семейный город, разделив его на две части. Город кончался у воды обрывистыми берегами, поросшими поверху рыжим сухим ревенем. Пустынное море, горная вода, каменище фортификация набережной.

В городе древние развалины мешались с развалинами, оставленными войной. Жителей было немного, и город казался почти пустым.

Вечерами в окно влетали серые бабочки, большие, как листья, и, треща, билась о ламповое стекло; на столе прыгали кузнечики-бобомаи, и поредевшие ножки у них были молчаливо сложены; пробегали, гугая, мыши, пауки. Днём во дворе шумели черешки и яблоньки, а однажды мы нашли возле каменного крыльца шкуру утку.

В сущности, я всё ещё не решалась поверить в счастье. Выйдешь под вечер во двор, поможоришь на развалины готтеских башен, на обвалыне здания, из ровный, обведенный леной покауругу залива, на угасавшее высокое небо и вдруг почувствуешь себя захваченной, испуганной. А тут ещё в доме, через дорогу, кто-то постоянно плакала, какая-то женщина. Мне потом сказали, что это погибла семья. В тёмно вечеру я встала на крыльце одним прыжком и вырвалась в дверь, словно за мной гнались; мне казалось, что в таком мире нет места радости, и, пока я отлучалась, с Михаилом страдала беда.

— Что с тобой? — тревожно спрашивала Михаил.

— Испугалась! — отвечала я, тяжело дыша и улыбаясь.

— Когда же ты перестанешь бояться тёмноты? — смеялся Михаил.

Потом долго не удавалось зазвучать, когда-нибудь сердце и я в тёмноте тесной, трогая силуш слыщего Михаила: здесь ли он.

Людей я не замечала: вероятно, они были, но я не интересовалась ими. Как-то девочка играла выжужками на дворе: она смотрела на меня, сидя на корточках, тёмными абсолютными глазами. Иногда соседка на другом крыльце тремела притвором: прыгнула на гора, и она выдыхала: «Ах, боже ж ты мой!» Я торопливо пробегала мимо знакомых, опасаясь, что отстанут вопросы и разговоры. Было бы интересно расспросить свою радость, а горе и малочные заботы казались мне приличивыми, вроде опыты или антигны.

Я звала Михаила Робинзоном, он меня — сумасшедшим Пятингой. А город мы называли так Поаубойтаемский остров.

2

Однажды осенью Михаил поехал с рыбаками колхозом на промысла. Рыбаки долго укадывали сеть. Потом долго заделали в лодку, третий держал её, стоя на гранитной набережной, и ждал.

— Прощай! — сказала я Михаилу и тут же поправила: — До свидания!

Растерянная обмолвкой, я задержала его руку. Рыбаки засмеялись.

Я заметила, что Михаил вздрогнул. Объять меня он не решился; мы протиснулись ажурно.

— Не утони! — крикнула я и улыбаясь, чтобы скрыть страх.

Рыбаки засмеялись снова.

Звезда мотор. Потонула вончичем бензиновым порогатом, и громко тархата мотором, лодка стала укадываться. Я смотрела её вслеп, пока не зарыбало в глазах, пока то я принимала за лодку лодку, не поворачивала кверху и не оказалась чайкой. Тогда я поняла, что уже давно потеряла лодку из виду. Я оглянулась — пустынная набережная на краю необозримой воды.

Впервые мне пришлось издавать оставшиеся одной. Я пришла домой и в нестерпимом ожидании села на край постели; вскоре от страха, волнения и одиночества я заснула. Сила бесконечно. Проснулась, вспомнила, что и оля, и, закурившись, сжавшись в комок, засыпала вновь. Мне снилось страшно. Древяние жили, став на дыбы, ходили во дворе: они смотрели в окно, у них были плоские, беззубые головы, как у мышек, которых Михаил приносил к ужину. Они открывали старчески, завинчивае рты и облизывались. Иногда ходили по коридору, фыркали у двери и пробовали её паранать, повизгивая от нетерпения. Потом они ушли, но хвосты ещё долго волачили, шумели за дверью. После я узнала, что это хорьки мешаю поаюиши.

После обеда я, по привычке, идеала на приморское бульваре. Не помню уже, о чём думала, глядя на прибрежный бакен, когда громкий голос сказал позади:

— Шторы иди...

Я в ужасе подняла голову. Морз навали почернело. То здесь, то там вспыхивали белые тучи. Скоро волнение дошло до берега. С каждой минутой грохот волн становился громче. Бульвар отлетел. Быстро темнело. И хотя в ясном небе кое-где мерцали звёзды, втор не из открытого моря навесью промывали нолдух. Я начала зябнуть и уже поднакала, чтобы уйти, когда с моря долетел отдаённый крик.

О-о-о-ну!

Я узнала голос Михаила.

3

Кто не растерялся бы на моём месте? Вокруг меня пустынно и темно. Ашнх вдалеке, возле пляжей, гораа слабый, ровный огонёк. Я побежала гуда. Ветер

дула толчками. Моря оглушало грохотанье гальки, шторма обдавала брызгами; вылаас- нутая на землю вода шлепала у самых ног. Криком больше не было — во тьме кипела чёрная вода.

Никонен, вперевы выдалася и меллел-но приближалась обесценный забором навет.

Огонь гораа в окне сторожки. Сторож быд, на пляже Он, ворчу, оттаскивая по- дальше деревянные лодки.

— Скоорей! Скоорей! — кричала я. — Миша тонет!

— Нею Миша?

— Чоловек тонет...

— Чоловик тонет... — старик азгаюна на море и засуетился.

Он побежала куда-то во тьму, вернулася с рёвками, бросила вёсла в Большую лодку, всекхе стовинула на палке, и уже схватился за борт, чтобы стокнуть её в воду. Но тут накатился громадный вал, пена вскипела возле лодки, брызги обдали старика, он остановился.

— Скоорей! Скоорей! — торсила я.

Старик покачал головой.

— Не спешу воды напугаться, бо вона горькая, а спешу от досады! — грёба хлонци камкаа.

Впереди кипела пустая чёрная вода.

4

Что было мне делать? Я сама схватилась за борт. Но в меня недолго силы сдвинули лодку; ноги вскозалима по мокрой гальке, я чуть не упала. Я расплакалась.

Внезапно возле сторожки пошмысали шагн, хрипавый голос напевал:

«Ничего в море кавча врысок, Покалел, моря-т-чка, моря...»

Потом голос смолк. Я кинулася гуда. Это было какой-то подвизывающийся морж: его заметно поштыщывало. Он сидел на корточках и завывалка бинням.

Увидев меня, морж поспешило поднялся. Я схватила его за руку. Не помню, что говорила; знаю, что называла его товарищем, давая и гражданским. Морж соглашался на всё.

— Пойдём, — бормотал он, — пойдём, красавица.

Потом он понял, что я тяну его к пляжу.

— О-о-о!

— Купаться? — спросил он. — Ну что же, дайду купаться.

Тут он увидел сторожа, стоявшего возле лодки. Недоумевая, морж посмотрел на меня сверху вниз; его пошатывало.

В эту минуту с моря взошёл донетель автентный и теперь словно приближающийся крик:

— О-о-о!

Морж вздрогнул. Он бросился к лодке, стокнул её в воду и вскозла сам, при этом чуть не свалился в море. Мне пришлось влететь в воду; она накрыла меня с головой — я промочила насквозь. Последним влез старик... Он ворчуа.

— Старый, старый, старик на пляжный, — улыбаясь я.

Морж и гальки, сборм сидел на руле. Я грёбала с ожесточением, сква зуб и чувствую воду, которая лилась на нас по-

минуту. Ветер дул прерывисто, словно задыхаясь от долгого бела. Лодку подхватывало и подбрасывало, грономало. Она громко шайналась, брызги летели в стороны, а впереди уже подымалась новая голынная гряда. Казалось, мы не движемся. При слабом свете зари мы видели только друг друга, да где-то за кормой иногда мерцали огни города.

Морья закричал: а чужо в пырнула везла: он кричала диким, напряженным голосом:

— Го-го-го-о!

Никогда ещё не было во мне такой силы, которая казалась, что сбивает вёсел.

— Вон, вон! — закричал старик.

— Что-то чёрное мелкнуло влоде лодки. Перегнувшись, я схватила руку из воды подымалась бороздака голова. Морья воемало, странно обманлиа лицо... Я вскрикнула. Тонущего подхватила старик, я, накрывши лодку, он веза дрожжал, обесчеленный... чужой.

Он бороздала что-то бесцветное, указывая в тьмуту.

— Где же Михаил? — спросила я. Мени не поняли.

Или там, теперь уже чужо, донеслось:

— Тону-у!

Мне казалось, что на этот раз я наверняка узнаю голос Михаила.

5

Звёзда трепетала, словно их задувало ветром. Шторм утихал. Теперь наша лодка но только поднимала и опускала нос: нас ваяло с боку на бок. Иногда я едва держалась, желание захричала и схватилась за борт, а когда лодка бесконечно долго падала куда-то в воляную яму, — в жаладу становилось нехорошо, холодно, приседалась к чему-нибудь неподвижному и закрыть глаза.

Лодка трещала. Её начинало заивать. Мы были морья совершенно, холодные струи текли по телу под платьем, губы стали собыными.

Спасённый нами мужчина сидел на корточках, держась расплывёнными руками за борт лодки. Он всё бороздал: Там ещё, там ещё...

Старик сунул ему жостанку и заставил вычерпывать воду. Дрожая всем телом, он черпал и выплескивал за борт холодную, тёмную воду изчюд ною.

— Осторожнее! — крикнула старик.

Две худенькие дётекие ручки схватились за борт. Старик и я лето втащили в лодку подростка. Он свалился к моим ногам, такой холодный, что по мне пробежала озноб.

Большо криков не было: пасекалась вода, свистела ветер, валаи грохотала прибой, а впереди шайналась наша лодка. Я уверяла, что слышала ещё крик о помощи; дважды прокричала я в тьмуту срывающегося голосом.

Минка-и! Мишо-сйка!

Мне отозвался спасённый нами мужчина.

— Не-и! Больше нету. Мы вдвоём с холём бела.

Весь же морья прокричала своё «го-го-го-го», хриплое, похожее на пародный гудок. Морю не отвечало. Волна ударила о борт, лодка едва не переворачивалась, мальчишка завизжал и нырнул в море, я выпустила вёсел: крутос, оно исчезало во тьме. К счастью, в лодке нашлось запасное. Дальше смутно помню, как бесконечно долго падала куда-то в тьму, морья и обманываемо поминую.

Оцепенение охватило меня. Робинзон утонул, и теперь маленькая Пятница в насквозь промокшем платье, ознобная, стискивая совок олов. Теперь Пятница погинет, но гибель её будет легкой и горькой. Не знаю, плакала ли я. Быть может, это морская вода текла по лицу.

Когда мы собрались насквозь в створежке, с борозды старика текло, как в баню, море молчали.

— Обманки, их воев, — бороздал он.

Тёмная вода казалась полостой кожей. Мальчишка поинел и трясся от холода.

— Эй, не откуси язык! — крикнула ему морья.

В створежке ровно горела лампа. На непокрытом столе, возле корки хлеба, бегали тараканы. Было слышно, как с нас слезали.

Весь ещё ворча о дурих, «яких в бурю бис носит с дятём по морю», старик отпер судак, вынул одежку. Мужички стали передоверяться: что Робинзон делал, вынимал; а кто-то грому меня за локоть: старик протягивала заболитую почитенные бровки и вышитую мужскую рубашку.

— Девичина, — сказала он, смущаясь, — баба вымерла, бабёго ничего не маю.

Холодная одежда была грубой и нестерпимо щекотала тело, зато струя стало тепло.

— Эге-ди! — кринула морья. — Какой славный парнишка! — в голосе его прозвучала ласка.

Вдур и почувствовала, что плыву, слёзы текли неудержимо. Вспыхивая, я рассказала о Минке, о том, что мы недавно дожила до створежки. Кто-то грому плавет, что он ухался с рыбаками, и я слышала его голоса в море. Рассказала о синившихся мне ящерах, которые фыркали у аверч, и о том, что я теперь совмещасо всем одна и скоро пропала с тоски...

— Стой Стой, красавица! — прервала морья. — А с чего ж ты визал, что он потонул?

— Вызвисталась, я растерялась!

— Он же кричал. Я слышала. — Да то ж не он кричал. То они кричали. Рыве в море утонули, глумо явилось.

Воздух вспыхнул спасённый нами мужчиной, — то мы с холём кричали. И в окружности, почитая, на трое вёрст ни одной лодки не было. Кабы не мы, жрам б тебачили нас с холём.

— И потом, — продолжала морья, — пошла он не как-нибудь, а, сами говорите, с рыбаками. А рыбак от рыбы только на одну бочку отлучился. Уж жамы, стухонутая девушка, двоих лодок спасла, то рыбак и вовсе не даст потонуть.

Старик ласково обнял меня.

— Э, серденько, сказала он, — година тоби шастамка. Шоб ты долго бацала сонца свет и дитя перед собою.

Мальчишка глядела мне руку и всё повторяла:

— Тётя, тётёчка! Его вытаскал, непременно вытаскал.

Рукав огромной дёловой куртки всё время закрывала ему ручки; досудок, он отстраняла его, но рукаво опускалась вночь.

Мне стало казаться, что и сторожа, и морья, и мужичку вылакали, а мальчишка — только очень давно, так давно, что уже и позабыла о них, а теперь пришлось встретиться.

— Дедушка, — спросила я, — вы не были в Покуюш? Не продаё шары?

— Рыбачко бул, чужаком бул, а в школе не вивис. Ни, — он и покатава седой головой.

Но мне всё казалось, что я знала их раньше. И было совестно, что могла их познать.

Мы пили, обжигалась чай. Морья сказала, что обварила язык. Он высовывала его и, съевши лавца, старался разгладить нет ли пузырей.

Мальчишка смеялся до икоты: икал он звонко, вздрагивая всем телом и наклоняя голову. Старик принёс цевоты солов:

— Покуюш... Не продаё шары.

Мальчик вскоре зясула, плаожила голову на мои колени. Наша одежда висела, дымься, над печуркой.

Шум моря доносился приглушённый, не слышно.

Уже воздух начинал мутнеть перед рассветом, когда морья проводила меня домой.

— Почивайте спокойно, — сказала он, встравивая мою руку, — человеку потонуть не так-то просто, красавица.

7

Робинзон вернулся утром, когда я спала, свернувшись комочком и всхлиывая по сне. Он вёсел, и в комнате запахло морем и рыбой.

— Минка! — взвизгнула я и, вскопши, ловила у него на шею.

В волосах Робинзона торчали соломики, к подбородку приставла серобитая челушка. Волнуясь, он рассказывал, как во вез елау старого лодочного мотора они ухонили от бури, как их догнав и зачала шторма, как ругалась, хотам уже бросать рыву из переруганных лодок, но успели укрыться в маленькой бухточке.

На берегу их встретили холконники и приваля, как подлагаете принимать товарищей, попавших в беду. Минка села на сеновале и сквозь крышу вела зрёбодку, мигившую, словно свечка на ветру.

Мне не хотелось говорить. Я приближалась к нему, глядела его щёки, шею, грудь, неперестав уверяя себя, что это правда, а не сон: Робинзон живой и со мной рядом.

Когда утром я вышла из лодки, вода подкатывалась к берегу ровной, спокойной зыбью, гаухо и неторопливо лыпала, как сплывши. Вдалоке, в тумане, слышались обманчивые парусами мачты; я знала, что парусник весь день будет незаметно передвигаться по горизонту, а в ночи зылдет за Восточный мыс.

При моём выходе торчанаме пошла прочь черепашка, поворачивая из стороны в сторону плоскую голову.

На каменином крыльце сидела молодая сосиска, а перед ней на корточках её муж. Они разговаривали и улыбались. Маленькая дочка, держа на ладони жулика, тонько пела:

— Улыбайся, улыбайся, улыбайся, улыбайся! Дам тебе кашки в глиняной чашке!

Я нагнулась к дочке и пенула в маленьком, чистеньком, прозрачном от солёного света:

— Как тебе зовут, дочка?

— Жюи, — ответила она, опустив голову и вертея пощок.

— Так вот, Жюи, это не унитка. Это жу-жельца. Ты знаешь жу-жельца?

Девочка кивнула.

— Если долго ибёт дождь, сказала я, она становится зловонной. А когда очень жарко, — высыхает. Тогда её зовут шушерей. Запомнишь?

— Шушерей! — сказала девочка и бросилась, смеясь, в колени матери.

— Хоть бы тебе дочка, соседи мои?

— Вот бы вам такую, — отозвалась та, улыбаясь.

Внезапно я почувствовала, что красноречиво.

Так бывает весной: ещё вчера деревья стояли чёрные, а утром уже раскрылись алоточки. Взвлягнешь и остановишься, спрашивая себя: как вышло, соседям?

Прежде нам казалось, что город разбит и пустынен, что в камениных руинах глется зыме от гори старухи да одичавших кошки. А теперь мы смотрели в радостном недоумоении и видели вокруг расцветавшую жизнь, счастливых и хороших людей. Полуобитаемый остров исчез. И это было хорошо.

Странное дело, я всегда думала, что полное счастье бывает только в надежде, и вот, оказывается, обманулась.

Я взглянула на Михаила, который вышел на разговор и теперь стоял рядом. На его носу выступила кивалька пота и веснушки. Он улыбался, правдо, до исприличия счастливым.

— Эх ты, — сказала я ему, — бывший Робинзон Крузо!

В ГОДУ ПЯТИДЕСЯТОМ...

Мечты и планы будущих специалистов

Фото Г. Борисова.

АНТОНИНА МАКАРОВА.

студентка 1-го курса биологического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова.

Самая увлекательная, на мой взгляд, наука — это наука о жизни — биология. Перед нами, студентами биологического факультета Московского университета имени Ломоносова, открыты пути великих русских исследователей — биологов и инноваторов науки — Мечникова и Павлова, Сеченова и Тимирязева.

Еще школьницей много интересного слышала я о том, как самая молодая из биологических наук — экспериментальная биология — открывает все новые возможности управлять живыми организмами: влиять на рост и все животных, вызывать мутации, изменять цвет шерсти.

Но прежде чем посвятить себя науке о жизни, я вместе со своими сверстниками добровольно пошла на борьбу со смертью, которую несли нашему народу немецкие фашистские орды. В Красной Армии я была дальнометрицей в частях зенитной артиллерии, которые обороняли Москву в трудные для нее дни.

Теперь я студентка. Я люблю науку, которой решила себя посвятить, мечтаю о самостоятельных исследованиях, об обогащающих советскую науку открытиях...

ЕВГЕНИЙ РАКТЕЕВ.

студент 1-го курса математического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова.

Для успешной деятельности в любой области надо любить свою специальность. Я больше всего люблю математику и поэтому поступил на механико-математический факультет Московского университета. Я знаю, что московская математическая школа является одной из ведущих в мире. И я счастлива, что попал в такой выдающийся научный центр, как Московский университет, и имею возможность слушать лекции наших крупнейших математиков.

В 1950 году я окончил университет. Уже сейчас я ясно представляю свою роль в работе по осуществлению будущих стальных пятилеток.

ВЛАДИМИР САХАРОВ.

студент 1-го курса факультета двигателя внутреннего сгорания Московского высшего технического училища имени Баумана.

Моя будущая специальность — инженер-механик по двигателям внутреннего сгорания. В 1950 году я надеюсь окончить Московское высшее техническое училище имени Баумана, куда поступил минувшей осенью, демобилизовавшись по ранению из Красной Армии, и защитить диплом.

Я буду работать в области котлостроения. Появление реактивных двигателей обещает внести много нового и в эту отрасль промышленности. Не менее интересной мне представляется также научно-исследовательская работа по усовершенствованию прямоточных котлов высокого давления. Могу сказать, что уже первый год занятий убеждает меня в том, что я не ошибся в выборе для себя полезной и имеющей широкие перспективы профессии.

НИНА ОЛЬХОВА.

студентка 1-го курса химического факультета Московского государственного университета имени Ломоносова.

Вначале мне казалось, что я пойду по стопам родителей: либо отца — инженера-строителя, либо матери — врача. Оба они хорошие специалисты и горючо любят свои профессии. Но в старших классах школы меня заинтересовала химия. Мы часто оставались после уроков в школьной лаборатории и сами делали опыты, на которых забывалось все.

В год Победы я окончила с золотой медалью среднюю школу, и теперь я студентка химического факультета Московского университета. Горизонты будущего необозримо широки: наш факультет готовит научных работников всемандатной специальности. Только ближе к диплому определится та отрасль химии, в которой я буду работать. Уже с первого курса я получила на кафедре возможность вести исследовательскую работу. Прежде чем приступить к ней, составило обзор немецкой и английской научной литературы.

Химия находит все большее и большее применение в жизни страны. Нет сомнений, что у людей моей специальности всегда будут огромные возможности для творчества.

Нет ни одного научно-исследовательского института в любой области техники, который не сталкивался бы с математическими проблемами. Эти проблемы, конечно, часто связаны с дифференциальными и интегральными уравнениями, теорией упругости, аэро- и гидродинамикой. Однако, для того чтобы решить их наиболее совершенными методами, надо хорошо владеть так называемой «чистой математикой».

Я хочу стать образованным специалистом с широкими математическими кругозором, могущим разрабатывать проработанные вопросы, которые в изобилии будут возникать при грандиозном развитии техники в последующие пятилетки.

История

1

Мне двадцать лет, а кругом моему, приехавшему в наш город «завоевывать мир», ещё нет и девятнадцати. Следовательно, воспоминание моё имеет стаж четверти столетия. Как хотите, а это уже давняя наша советская старина.

По вечерам мы сходимся дома и перед сном, при керосиновой лампочке, предаёмся спорным и стремительным «утраченным и будущим», которые неизменно переселяют нашу фантазию в коммунизм. О промежуточных фазах мы попросту не имеем никакого представления. Мы знаем, что живём в злоте восточного коммунизма, и следовательно, как только барон Врангель будет выгнан из Крыма и голодная блокада будет разорвана, то и коммунизм из восточного превратится в тот самый коммунизм, о котором мы мечтаем в своей тесной комнатке при свете керосиновой лампочки.

Нам вдобав ещё нет тридцати девяти лет, а советская власть существует на свете всего-навсего три года. Мы романтичны, наивны, самонадеянны, упрямы и голодны.

На южнотом России царит страшный голод... Мы оба перенесли сыпняк. Вступая в жизнь «на пятнадцать правок». Образование, строго говоря, никакого, и никакой профессии. Мне всё-таки удаётся пристроиться к местным газетам и заняться репортажем, а приятель мой упрямо пробивается в университет без особых к тому оснований.

Он укрывает с верхнего дна. Думаешь стать учителем в своём селе, но под влиянием горячих речей молодых сельских большевиков, а главное, по собственной упрямой идее он теперь решительно считает, что может сделаться Альбом Толстого.

Может...

Идея эта меня перепорочивает от злости и презрения к моему другу, что, впрочем, не мешает мне завираться в своих мечтах. Мы не споримся из-за Толстого, но я не успеваю случая поиздеваться над чужим.

— Чудак, — говорю и ему, — ты же в литературе ничего не понимаешь!

— Ты сам чудак, — вскридывает он — «Кто был ничем, тот станет всем»...

— Это не относится.

— Нет отнесится. Толстой имел большое образование, и я получу большое образование.

Высокий, толстый, квадратный, он сидит на полу, где разостлана его постель. Я болтаю ногами, сидя на кровати. Он смотрит на меня со своего жесткого ложа снизу вверх с хитрым неуважением за мой преклонение перед образованностью помещиков и капиталистов. Меня тем больше злит его презрение, что он, кроме какого-то конспекта, ничего не пишет. Читает много, упорно, шепчет при этом и даже сопит носом, точно ямку тизнет, которой нет ни конца, ни края.

— Принимай тебя в университет!

— Приму, не боюсь.

— Откуда глупая улитка. Тинтина. Мы наговорились. Надо спать.

— Коляка, — говорит он мне, укладываясь под свою шинель, — ты сегодня чи-

тал статью Луначарского? В будущем весте — это LABOR, кто рабочий — она LABORUM будет иметь среднее образование.

Мне делается смешно. По моим понятиям, гимназия, которая давала среднее образование, — это «ярта царства» очень умных, очень знающих и особенных людей, которые делаются врачами, адвокатами, инженерами; простыми людьми окончившие гимназию никогда не остаются. Я смеюсь.

— Ты, Коляка, настоящий фантазёр! Он эр-какс-эмоен... то есть комсомолен. Был в Чоде, что сначала «части особого назначения». Постраивал в степи, когда приходилось гоняться за доисками бандами. Кого-то караул. Он имеет закалку. Я не слит.

Но дело не только в этом. Коммунизм мне снится «голубыми городами», которые явятся на земле неизвестно как. Мне нравятся «сны сияющие», поэтические, романтически до такой степени, что я вижу людей в сверкающих тогах. Мой вику другой от земли не отрывается, и «голубыми городами» его сердце не возмущает. Его тянет ко всему бесцельному — ко «калам». Пришёл ты в сад, потребовал чашку — пожалуйста.

— Вышевшего читателю покажется: дети! Да! Но дети своей эпохи, чудесной её наивностью, когда самые простые вещи наших дней кажутся необычными и, наоборот, самые фантастические вымыслы представлялись ближайшим будущим.

В нашем городе было две гимназии — мужская и женская. Каждое лето выдвигал из этих гимназий около ста человек со средним образованием. На тысячу душ населения — один «образованный». Это была норма жизни, её закон, порядок. И зато так, что пишет Луначарский! Неправда. Никогда этого не будет.

— Между кроватью и полом во тьме начинался дикая перекала. Из кухни в нашу «спальню» доносился суровый голос матушки:

— Будет вам. Из-за какой гаупости ругаются между собой!

Мы делаем паузу и переходим на шоп-тот, пока мать не уснёт.

— Где они напечатает миллион «Вступивших»?

По учебнику Евтушевского мы познаём арифметику в начальной школе. Моё воображение дальше миллиона не идёт. Страшная цифра — миллион. Необытно, непостижимо! А тетради? Кошмар, сколько тетрадей! Лег четырёхдаты и работала в младшей породающей мастерской, где также производились тетради на единственной, куленной заграничной атомальной машине. Я вырос на малых числах. И «они», то есть новая революционная власть, большевик, у меня ещё ассоциируется с маленькими предпринимателями провинциального города, которые представляются мне людьми громадных возможностей.

К тому же: нынешний молодой человек говорит «мы», непринзвильно соединяя свою роль в жизни с её государственностью, а мы были «мы» и больше ничего, и странно было бы присоединить своё ма-

ленько «я» прямо к государству с его настоящию и будущим.

Пронзительным шлопом и испровергаю Луначарского и переносу всеобщее обучение к грядущим столетиям, отчего мне в ответ летит неизменная словесная опухоль:

— Ты мешанин.

Я не обижаясь, — пускай мешанин. Всё равно мы оба не понимаем сущности мешанинов. Мы начинаем жить, выходям на дорогу без подготовки, без знаний, а дорога неизвестная, никем ещё не пройденная, — это советская жизненная дорога к социализму и коммунизму.

— Мой будущий Толстой засыпает сразу, но кончинию спору. Ему, конечно, снится университет. Я осторожно поднимаюсь, зажигаю лампу и пишу стихи:

«Есть ангельский хор
Рисует с небесной крuchi,
Петь «Интернационал»
С нами ангелов научим».

Завтра я эти «дерские стихи» буду читать в «Литературной студии» на двенадцатим часовом этапе, где по вечерам собираются такие же чуваки, как я. Меня развешёт босой лют — он «идеяно хонлит летом босиком», обнувшись с осени, — хотя я со всем пылом стараюсь подражать его космическим стихам...

2

Но вот приезжает в Советскую Россию Герберт Уэллс...

Нас мучит голодная блокада. Страна в колюче новизны. Строжевая служба на морях и океанах не пропускает в Россию ни одного судна с чем бы то ни было. Даже с лекарствами. Берут на измор. Живём мы худо. Живём мы страшно. Разруху.

Зимняя ночь. Дельо трамвайчиков. Люди поставили вагоны в парк. В первом часу ночи открывается общее собрание, где «буржуазный спец» — инженер даёт доклад о электрификации страны про электрификацию России.

Понятие «белый угол» звучит так же, как теперь звучит атомная энергия. Инженер, хоть он и врыву буржуазный, так как получил свою долю и прибыл частной трамвайной компании с русским и иностранным капиталом, сам устроил этот доклад. Энергетика составляет главную роль его жизни, и Ленинский замысел электрификации Россия ему понятнее дорю.

Трамвайчики расходятся по домам в третьем часу, а многие остаются ночевать здесь же, в столовой: до выхода на линию остаётся мало времени.

В февральскую пургу я выхожу домой со зноем в душе. Какая мечта! Ем сухую, холодную, синюю кашу из «чирпын» (так называлась крупа из чирпын) и съезжу с своей аямке писать отчёт о собрания трамвайчиков:

«Ночь мечты».

Моя внешнешняя восторженность укрепляет атмосфера этого собрания. Изгурен-

ним, годлыми авляя ничто не помещаю собраться на лекцию после полуночи. С пытайной задумчивостью они слушали инженера. Идея электрификации открывала окно в будущее, над которым каждый по-своему ломал голову, являлась определенностью, простая и вместе с тем великодушная своей широтой и научностью. План — это логотип, поэзия. Пока было одно слово «электрификация», и несомненно на своей техницизм оно было шутливое-шутливым словом света, надежды, мечты.

Я пишу до утра. Мне страшно хочется поместить в мой главный отчет «главы городов», но они как-то поинили. Не то... Ерунда. Инженер говорил конкретно. Районы сплошной электрификации всего хозяйства. Больше идей. Я с гордостью излагаю чужие фразы, точно эти откровения открылись мне одному.

«Наш Толстой просыпается».

— Кошки, — жасоставил говорит он. — Должес спать до десяти; ты серый, как бумага.

Я ему читаю свою статью. Он перелаз с пола на мою кровать, погреться и слушает ухмыляясь.

— Чему ты ухмыляешься? — здесь я. — Да как же... что я всегда говорю?

— Ты говоришь. Ты как болван говоришь, что можешь сделать Львом Толстым.

— Ничего не болван...

Он уже принят в университет и, позвидному, со своим упрямством даже непахо...

...Герберт Уэллс написал книгу «Россия во мгле». Но незачем теперь разбирать это публицистическое изобретение Уэллса, мое сочинение по одной простой причине, что ни одно из предсказаний Уэллса-публициста не сбылось. Так, например, английскому писателю удалось предсказать, что тирать по памяти, что «в России скоро никого не останется, кроме деревенских мужиков, так как города перестанут существовать». А Ленин была маркиван чуть-чуть добродушно, чуть-чуть ироничеки в специальной главе этой книжки под названием «Кремлевский метатель», ибо Ленин мечтал на русской равнине, плоской и заморозившей на зиму, построить мощную систему электрификации. Не о том речь.

Я потом купил эту книжочку, разворнул, стаа читать и ахнул. Куда вам, мальчишко, без знаний и опыта было до знаменитого писателя, — а спор тот же. Вот беда! Миланом задвинул... Где «они» их отпочивают? Книжка «Россия во мгле» преводшая России немилую катастрофу в тот самый момент, когда она писалась.

А ведь я в моей книге мечтал о «толудых городах» под прямым влиянием потрясающих фантазий Герберта Уэллса. Да, это так. Но в мире реальных вещей мои фантазии были шутливо-маленькими и, конечно, выходили из мещанства.

3

Но пятилетний план — не мечта. Я хочу опять взглянуть на жизнь из собственного прошлого. Это нетрудно сделать, если память не оскотенела. Но чем острее и яснее я представляю свои юношеские понятия, тем больше не знаю, что мне делать с тем странным молодым человеком, оказавшимся в современности. Он вырос на мечте о неизвестном будущем, всегда прекрасном и очень ясным, а нынче уж так не мечтает. Сталинские пятилетние планы есть факт, совершаю-

щийся во времени. Где же тут неизвестное будущее? Все более или менее точно известно. Достаточно немного поработать мозгами, чтобы те или иные области пятилетнего плана перевести в область жизненных предствлений, связанных с твоей личной судьбой. Так, попросту говоря, меняются понятия поколения, и отцы упрекают детей за то, что дети уже и мечтают. Иб так и мечтает о жизни какого-то смеле... Упрекают яли, наоборот, радуются. Это уж зависит от самих отцов, но никак не от детей, которые являются не детьми своей эпохи.

Война оскотинела наш быт, и многое в нем, ранее доступное, представляется теперь иной раз мечтой.

Утром, когда я просыпаюсь, и общедоступные вещи станут на свои места, не оставая никакой мечты. Настоящие, большие, высокие, интересные мечты идут своим ходом, и их никто не может заставить никакой быт. Если бы наши молодые люди не умели мечтать, у нас не было бы всемирноизвестных асов, легендарных танкистов, снайперов-героев и левых-активистов со звездами Героев... Это бесспорно, но иные отцы все-таки думают, что нынешняя молодежь не умеет мечтать.

Молодежь и мечта неразделимы. Молодежь полна ламенной энергией. А энергия — это стремление. Вперед нашего стремления летит мечта, та самая, несная, неуловимая, воздушная мечта, которая бьет и будит у всех поколения.

Незья представлять себе по схеме, что вот какой-то молодой «человек сила и видла делается героем. Выш! — пришла война, и он совершает героические поступки, о которых действительность дала проторе-героевским фантазиям нашей молодежи, разбудила ее высокие моральные силы и самодовольное, неувраженное, драгическое, что таится в мечте, выразилось в образе чудесно-героических.

Думаешь о будущем — в молодости оно всегда чудесно. Оно делается еще чудеснее, когда оная за другой открываются реальные перспективы. А наш новый пятилетний план — не мечта неизвестного будущего. Теперь уже заграничной давно вышло из моды значония в свой время «скепсис» иных пророков, предрекавших «крах пятилетки», вообще «крах», всегда «крах». Надело, кажется, и самим пророкам.

В прекрасной внутренне-духотворной повести Веры Пановой есть интересные строки, раздумья моего сверстника по возрасту болельщика Данилова, руководившего всею войну образцовым санитарным поездом.

«Он думал, что у кухонных девчат моргни бодрее, так же как и берсты. А они вон о чем шунукают по ночам: о будущем. Кем они войдут в мирную жизнь».

А кем они сам войдет в мирную жизнь? — Депо найдется. Много найдется депо. Вот только дома надо устроить, жизнь как следует. Не так, не так она была устроена».

Позвольте разъяснить, что жизнь у Данилова была устроена дома, как тысячи жилищ, — честная, добродушная жизнь. Но духовный строй этой жизни дома был беднее душевных сил Данилова и, видимо, не отвечал его самому сокровенному, неизречимому, что таила в себе его мечта.

...Мечта летит вперед наших стремлений. Вперед самых земных, материальных-планов и стремлений устроить свой материальный мир на новых и больших культурах основанных летит великий одухотворенная мечта о счастье, достойном человека социалистической морали и социалистических устоев жизни.

СМЕНА
В кюиере.

Лев Славин — Веря в победу.

Снимки военной поры. Фото С. Альгерина, Г. Петрусова, А. Шайхета, И. Шагина.

1417 дней войны. Рассказы военных корреспондентов.

И. Рябов — Чувство хозяина.

А. Аваденко — Великан.

В. Реут — Солнечные машины.

М. Арцев — Показывает Ленинград...

Г. Борисов — Их еще нет на географической карте.

А. Васи — Минроскоп, увеличивающий в 25 тысяч раз.

В. Луксевич — Бура.

В году пятидесятю... Мечты и планы будущего специалистов.

Николай Погдин — О мечте.

На первой странице обложки: фото Г. Борисова.

На последней странице обложки: фотозюд Вл. Микоса.

На первой странице: модель арки памятника Победы (проект скульптора Н. Гомского при участии архитекторов В. Лебедева и П. Штеллера).

Оформление номера художника В. Ури и а.

Цена 4 руб.

